

16+

ВЕНЕЦІАНСЬКА

СТОРОННИЦА

АЛЕКСАНДРЪ П-Ъ КЛИМОВЪ

Александр Климов
Венецианская утопленница
Серия «Длинный список 2020-го
года Премии «Электронная буква»»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53443237

SelfPub;

ISBN 978-5-532-06740-0

Аннотация

1904 год. Русско-японская война. Коррупция в России достигает критической точки. Революция становится на путь террора. Народ жаждет крови и хлеба. Губернатор города N даёт людям зрелище – неравный брак. Его красавица-дочь выйдет замуж за народного героя – моряка крейсера "Варяг", навеки прикованного к инвалидной тачке. Свадебный угар скроет махинации с бюджетом строительства плотины, необходимой для укрытия города от наводнения.

Содержание

Глава первая	5
1	5
2	7
3	9
4	10
5	11
6	12
7	14
8	16
9	18
10	22
Глава вторая	24
1	24
2	26
3	28
4	29
5	32
6	38
7	40
8	42
9	44
10	49
11	50

12	53
13	55
14	56
Глава третья	58
1	58
2	60
3	63
4	65
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Глава первая

Вниз и вверх!

1

*Чёрное дно глаз. Бледные мазки щёк. Невеста в
фамильных шелках.*

Зубы сжимают страх...

Ведьма,

напротив,

с поникшим лицом.

*Волосы длинные, тушью расписаны — тянутся
нитьями...*

Вниз...

Грязной тиной,

сырой паутиной —

плетут век окно,

что разделило их,

но...

Холст обрывается, грубо обрезанный.

Старый рисунок, давно часом съеденный, — служит теперь
ширмой в комнате, где слишком много бывает мужчин.

*Тлеет на сердце невесты.
Ведьма горит с нею вместе.
Тень дует в пламя
– ночь обращает в день.
Тлен...*

2

Ночь над Чемульпо разрывает девичий визг.

Корабли на приколе отвечают долгим гудком пожарной тревоги.

Лай откормленных собак будит корейский порт.

Цветник госпожи Дома Пионов покидает заведение в спешке. На землю сыплются лепестки пламени.

Аромат пожара приманивает жужжащих тележками мародёров.

Шлюхи с зарёванным гримом тянут копченый скарб на горбу. Под светом газового фонаря утончённые бутоны Дома Пионов распускаются придорожными сорняками.

Алая роза расцветает над городом – вспыхивает черепица на кровле пагоды.

Треск!

Жар.

Вой госпожи, потерявшей бордель, – лучший из худших в Азии. Злые шутки посетителей на всех европейских языках.

Звон каланчи.

Пожарная команда тянет брезентовые рукава и любуется заревом.

На землю ложится тень чернее вороньего крыла — на крыше, объятай пламенем, стоит человек — моряк российского военного флота —

Чай Готтофф,

тщетно пытается раскурить китайскую трубку от тлеющего рукава.

Он, очевидно, пьян, но факт игнорирует.

Ветер треплет его фигуру. Огненный шторм рисует ему кроваво-золотые крылья за спиной. Люцифер в аду грызёт ногти от зависти.

Моряк возносится одним шагом в пустоту, в которой отчётливо видит трап в небо, и летит вниз.

Девушки на земле визжат и широко открывают глаза, чтобы впитать каждый миг падения русского.

Земля свистит в лицо Готтоффу. Он всё ещё пытается раскурить трубку.

После полуденного ливня земля мягка, ровно настолько, чтобы моряк не умер от удара сразу.

– Живой! – слышит Готтофф свой собственный голос и через мгновение глохнет от хруста коленных суставов.

Зрители не спешат на помощь. Хозяйка указывает на Готтоффа полицейским как на поджигателя.

3

Готтофф на операционном столе. Керосиновые лампы качаются под потолком. Черти пляшут вокруг стола с ножами и пилами. Лица прячут за белыми масками. Один из них наклоняется к лицу моряка и медленно выщипывает по слогам:

– Служить хотите? Дальше? На флоте?

– Нет, – шепчет ему Готтофф, не имея сил лгать.

– Ну-с...

Доктор терзает ноги ланцетом, как чайка раненую нерпу клювом.

Чай хотел что-то спросить, но это что-то куда-то пропало... и он заглянул под стол в его поисках, но там было только море, бескрайнее синее-синее, чёрное море...

Готтофф уснул первый раз на этой неделе тихим сном.

4

Пять дней спустя Чай выслушал приказ о своей демобилизации, затем подтянул одеяло до подбородка и нашёл свои ноги там же, где и всегда, в бинтах и гипсе.

– Я в детстве тоже всегда колени бил.

Унтер, зачитавший приказ, поддержал разговор:

– Хотели отнять ноги, да доктор молодой настоял оставить. Ты подумай, надо они тебе?

– Подумаю, – пообещал Готтофф.

Унтер наклонился и вытянул из-под койки, на которой лежал Чай, деревянную тачку без бортов, на низком ходу, с каучуковыми колёсами.

– Езжай домой. Более ты не ходок. Ноги у тебя теперь только для формы, содержания в них никакого. Сам потом попросишь отрезать, да только с тебя уже тогда меньше десяти рублей не возьмут.

5

Крейсер ушёл с утренним приливом в море.

Не занятые на вахте моряки стояли на корме, сплёвывали за борт и дразнили акул.

С пристани им отчаянно махал бескозыркой Готтофф. Моряки кричали ему вдохновляющие ругательства, а он утирал глаза и жевал губы, чтобы не расхохотаться от радости возвращения домой.

6

Необъятна Россия. А ещё более велика она, когда преодолеваешь её без копейки в кармане да на инвалидной тачке. Миллионы вшей успели вывести своё потомство, умереть и вновь родиться в складках бушлата моряка.

Родное Междуречье – город N. Старинные бейшлоты сдерживают пять рек, как обручальные кольца блудливые пальцы. Город в ладони Водяного – живёт посреди почерченной реками низины.

От воды в город по утрам заходит туман, залезает детишкам под одеяло и сводит животики уличным холодом. Детишки кутаются в одеяло и в школу идти не хотят.

Вотчина встретила Готтоффа негодующе. Его никто не ждал, а он явился.

Невеста уже давно променяла белую фату на чёрное платье вдовы и законно спала на печи с его младшим братом.

Демобилизованному моряку показали первенца, сладко спящего в люльке, выдали пятак на водку и пригрозили топором, если он, такой дурак, ещё раз завернёт к родному дому.

Чай пятак взял. Невесту проклял шёпотом, чтобы, не дай бог, не услышала. Брату ткнул дулю в физиономию и дол-

го-долго так её держал, а потом быстро-быстро покатыл свою тележку прочь. С его уходом всем стало легче дышать в доме, а ребёнок разорался, как сглазили.

Тележка тархтела и подпрыгивала на булыжниках мостовой, проваливалась в вымытые дождями ямы, облаивалась злыми псами и, в конце концов, грозилась рассыпаться в щепы, только бы не возвращаться обратно в Корею.

Старый город. Торговые ряды. Собор. Сквер. Берёзы белые...

Оркестр в кованой беседке играл мелодию, не вызывавшую желаний вальсировать барышню, зато идеально подходившую к пьянству или драке.

Чай пил мелкими глотками содержимое фанфурика и выбирал противника себе по росту. Кроме таксы жены почтмейстера, подходящих спарринг-партнёров не находилось.

– Позвольте!

Сапоги городского (постового полицейского, стоящего на пересечении дорог памятником тишины и порядка и выглядывающего на четыре стороны своих коллег в точно такой же позе, за тем же самым занятием) преградили обзор Готтоффу. Сам полицейский возвышался над моряком восклицательным знаком. Глазами, усами и золотым зубом требовал паспорт.

В начищенных детским трудом голенищах сапог отражалось карикатурное изображение Чаю. Городовой аккуратно отодвинул ногой от себя тележку с калекой и стал читать пас-

порт.

– В городском саду не положено попрошайничать! – внушал постовой, разглаживая усы. – Здесь господа изволят прогуливать благородных животных, а ты у них между ног болтаешься...

Полицейский осёкся, перечитывая одно и то же слово в казённой бумаге. Сначала он стал явно шевелить губами. Затем читал слово по слогам, помогая себе, как указкой, указательным пальцем, и наконец, сорвал с головы фуражку, рванул ворот мундира и всхлипнул. Тележка с моряком подпрыгнула в воздух на целый локоть. Это городской бухнулся на колени перед моряком:

– Прости Христа ради! Прости!

Тут же собралась толпа зевак. Постовой мгновенно встал, наглухо застегнулся, одним взглядом по сторонам выжег все воспоминания о свое секундной слабости у окружающих. Но как пуговица, не желавшая более лезть в петлицу, а оборвавшаяся, упала долу, так и голос городского сорвался:

– Значит, из наших мест приходитесь, а ранение от японских нехристей приняли. Знаем, читали... Как же! «Варяг»!

Вороны сорвались с деревьев и, каркая: «Варяг! Варяг!», разлетелись по городу.

Кто-то грянул: «Виват!». Возглас подхватили. Чая подняли на руки вместе с каталкой и подбросили в небо так высоко, как могли летать только орлы и древнегреческие герои, пока солнце не сжигало дотла их крылья.

Дирижёр дрожал, и палочка в его руке, как жало бешеной пчелы, нашла покой бы только в смерти. Трубачи надували щёки, как тропические лягушки в брачный период. Скрипачи пилили скрипки и осыпали свои волосы стальными стружками струн. Барабанщик бил в барабан, как привык на кузне битку молотом плющить! Спазм лицевого нерва случался у дирижёра каждый раз, когда вступал фальшивый альт.

Грянувший хор церковных певчих заглушил оркестр. Дирижёр облегчённо улыбнулся и обернулся на одно мгновение. Герой «Варяга» одобрительно улыбался. Слезы брызнули из глаз дирижёра, и он с зашкалившим пульсом возвратился к оркестру, обещая себе, что непременно отдаст альтиста в рекруты на Кавказ или лучше даже набьёт ему морду.

Стихийно возник митинг. Выступали преимущественно студенты и один анархист, чью персону взял на заметку городской.

Готтоффа подняли на сцену к оркестру и обложили сорванными тут же на клумбе цветами. Фотограф установил треногу своей камеры, навёл объектив на героя и попросил его минут двадцать не двигаться. Гимназистки хихикали и краснели, глядя, как потеет моряк в неестественной позе.

Соблюдались приличия, пока один проезжий купец не вы-

катил бочку пива за свой счёт...

Откуда ни возьмись, собралась большая толпа из жителей окраин.

Они шли семьями, артелями, бандами и поодиночке. Не улыбались. Много пили. Совсем не ели. Окружили Чая с шутками, но узнав, что он босяк без роду и племени, – пожимали ему руку и угощали табаком про запас. Привели его брата и бывшую невесту. Заставили публично каяться в грехе. Готтофф вступился за родную кровь, и предателей отпустили домой.

Постовой вполголоса предложил найти моряку невесту по статусу. Купец выставил вторую бочку. Идея городского была поддержана публичным тостом:

Так и сказали:

– Мы тебе такую невесту поднесём... э-эх!!!

Чай краснел. На него наступали незнакомые люди и наваливались с объятиями.

Дирижёр размахивал пюпитром над головой несчастного альтиста:

– А если её отец не даст согласие, то мы ему в морду!

И сотня кулаков взмыла в небо – угрожая всем и вся. Готтофф слова против не сказал.

Следственная комиссия явилась в дом губернатора в седьмом часу утра в воскресенье, и застали его сиятельство в постели.

Слуги перепрятывали ворованные салфетки и столовые приборы, а губернатор напротив – имел прекрасный аппетит. Он обильно позавтракал в присутствии столичных дознавателей, не вставая с кровати и не приглашая разделить с ним трапезу.

Затем вслух читал утреннюю корреспонденцию и пил кофе. Прочёл газету от государственных реляций до брачных объявлений. На все попытки заговорить с ним – приподнял бровь и учтиво заключал:

– Одно только дельце завершу и весь к вашим услугам. Со вчерашнего дня намечено было.

Дела его были следующие: кормление щенков борзой собаки искусственной соской; чистка заброшенного скворечника; лечение ушибленной ноги кучера народным заговором; покраска старого тарантаса совместно с местным кустарём-импрессионистом и прочее, прочее, прочее...

Так прошёл день.

Депутаты от следственного комитета Государственной Думы безропотно, но настойчиво гурьбой следовали за губернатором. А он, отобрав у вздрагивающего мелкой дрожью

садовника ножницы, грубо корнал розовый куст, придавая ему форму коряги:

– Мне Россия верит, как себе самой! А вы про какие-то деньги спрашиваете...

Местный начальник полиции, привлечённый комиссией к данному делу, – мёрз, несмотря на душный вечер. Понятые вообще держались в тени и старались никак не афишировать свои лица.

Его сиятельство говорил один за всех. Кусты гнулись под его дыханием:

– Да вы кто есть такие? Вы в какой стране живёте?!

Старший следователь протянул исписанный лист гербовой бумаги:

– Имеется предписание произвести тщательное дознание по делу масштабных хищений губернской казны и совершить розыск прямых фактов преступления, в том числе в бумагах вашего сиятельства...

Губернатор выхватил приказ и с шумом высморкался в него. Начальник полиции пожалел, что не ушёл в отставку в прошлом году:

– Так, ваше сиятельство, не годится, бумага всё-таки официальная... Спрос будет.

– Фальшивка! – парировал губернатор. – Печать не в том месте. Подпись не разборчива. Смысл не ясен!

Депутаты строчили о происходящем в протоколы. Свидетели нехотя подписывали. Его сиятельство тыкал пальцем в

подписавшихся, мол, знаем, сукины дети, где кто живёт. Самые малокровные из понятых теряли сознание под взглядом губернатора, и их приходилось отливать водой под водокачкой. Боже, сколько луж развели в тот вечер!

– Вы мне работать мешаете, – жаловался губернатор громовым голосом. – Россия простаивает.

Избранник из учителей неловко брякнул:

– Мы здесь волею народа...

– Народа? – Губернатор расхохотался – левая рука повисла плетью, шею свело, и голову скрючило набок. Его сиятельство присел просто в клумбу и беззвучно зашептал колкости.

Когда...

В конце улицы показалось факельное шествие. Нет. Вначале донесся рёв толпы, больше напоминавший рёв зрителей, требующих свои деньги назад, а потом вечернее небо озарилось сотней огней и в воздухе запахло предгрозовым перегаром. Толпа из слободы несла к дому губернатора героя. Пролетарий скандировал:

– У вас товар, у нас купец!

– А если нет?! То мы ему – в морду! – дирижёр задавал тон дерзким фальцетом.

Губернатор, решивший вначале, что это вся преисподняя явилась по его душу, – воспрянул, отдышался, оттолкнул прочь руки, желавшие ему помочь, и встал сам:

– Ко мне народ идёт... Святое!

Начальник полиции, деликатно отлучившись, вызвал кон-

ный отряд жандармов к дому его сиятельства.

– Ваше сиятельство, радость-то какая! – щебетал дирижер, раскачиваясь на полусогнутых ногах перед решёткой ворот. – Герой «Варяга» вернулся в родные пенаты! Чаёк, наш местный, Готтофф, – здесь он икнул неприлично. – В невесте нуждается по причине инвалидности. То есть не ходит он. Не то чтобы под себя, а так просто...

– Дело говори! – подтолкнули его мрачные лица ропотом.

– За такого только святая пойдёт! – пел дирижёр и кончил. – Чем ваша дочь ему не пара?

– Пара! Пара! – толпа имела чётко сформированное мнение по этому поводу.

За спиной губернатора собралась чёрная туча. Она подплыла к самому затылку его сиятельства и тогда материализовалась в человеческую фигуру. Криволап – безликий секретарь, носящий вечный траур, что-то быстро зашептал на ухо своему хозяину.

– Дети мои! – губернатор пустил слезу. – В тяжёлое время вы пришли ко мне. Дочь моя без пяти минут сирота. Наговорили на меня.

Слободские забурчали. Депутаты поспешили укрыться в доме. Начальник полиции несколько раз подряд посмотрел на часы, рассчитывая, какой дорогой – в объезд или через центр – будет двигаться кавалерия.

– А кто нашего отца обидит, то мы такому – в морду!!! – Знакомая уже сотня кулаков взмыла вверх.

Губернатор поднял замаранные перегноем ладони и обратился к следователям и в частности к бывшему учителю, выглядывающему из-за оконных занавесок:

– Вот видите, господа! Или погром, или свадьба...

До самого рассвета под домом губернатора продолжалось народное гулянье.

Депутатов, с утра голодных и на нервах, – накормили, напоили, пригласили на будущую свадьбу, и они, растаяв от признательности, смотрели в рот его сиятельства.

– Устрою дочь за честного человека и тогда весь к вашим услугам, – обещал им губернатор.

А в это время в кабинете его сиятельства Криволап топил камин отчётными бумагами.

Дым, поднимающийся из трубы, шёл, конечно, из кухни, где жарили поросят, рассудили следователи и уснули за столом, сладко посапывая пяточками.

Утром явился с манёвров конный отряд и разогнал шашками перепивших сватов. Заодно и депутатам досталось, якобы случайно.

Глава вторая

Сахарная барышня

1

Солнечные блики на воде в пасмурный день. Это стайка плотвы нервничает перед грозой.

Крыса выглядывает меж гранитных валунов, нюхает воздух и прячется до хороших времён.

Два селезня напали на третьего. В воздухе медленно кружит тополиный и гусиный пух.

Ивы моют свои ветви в сточной воде канала.

Тут же слободские дети прыгают с моста в чёрную непроглядную глубину.

Крик!

Ребёнок исчезает в темноте. Круги расходятся до обоих берегов...

Тишина.

Долго и страшно ничего не происходит, а затем из воды показываются кончики посиневших пальцев... И тут же пацан выпрыгивает из воды весь – отдуваясь полной грудью и счастливо матерясь.

Кучер кряхтит о вреде российских дорог для позвоночни-

ка.

– Тише! Нелёгкая! – старый слуга осаживает лошадь, учувшую свежий овёс в кормушке за версту. – Раньше люди водой путешествовали. Куда река течёт, туда и люди шли. Города по высоким берегам ставили. А у нас...

– Развлекать меня не надо. – Анастасия отвернулась от детей и спрятала глаза за переплётom скучного французского романа.

Купаться вместе с городскими детьми ей не разрешал отец. Дети любят повторять за взрослыми столовые беседы. Поэтому его дочь купалась в одиночестве на Девичьем источнике, куда никто не смел являться. Кроме одной тихой девочки...

2

Чугунная решётка ворот открывается навстречу экипажу с ворчливым скрипом. Сторож кланяется в пояс, ломая спину.

Дом возвышается над городом большой черепахой, усеянной, как наростами, фигурами химер. Он велик, как Тадж-Махал, но если там почивает принцесса, то под особняком губернатора могут только гнить кости болотной ведьмы.

Путь к дому выложен чёрным мрамором. Крупные капли дождя разбиваются об него насмерть.

Окна вылизаны лакеями до блеска и теперь плятятся багышше в вырез платья.

Туфелька Анастасии зависает в воздухе, прежде чем ступить на мокрую дорожку.

Золотая дубовая дверь распахивается и наружу вырываются...

... ароматы зраз из зайца с лапшой, кулебяки с вязигой и чуть уловимая нотка пудинга из саго с фисташками.

Старая ослепшая кормилица целует ей руку. Анастасия неуверенно прижимается к ней телом и рассеянно смотрит по сторонам.

Слуги вносят дорожные чемоданы в дом. Она скоро следует за ними по длинным нескончаемым коридорам и поворотам и скоро остаётся одна. Со стены её угольными глазами

ми разглядывают почерневшие в своей строгости портреты предков. Жарче всех глядит она сама с детского портрета работы неизвестного голландца.

Анастасия трогает рукой идеально гладкую кожу лица.

«Как глупо... Зачем эта родинка над верхней губой? Без родинки значительно лучше».

Обед отца с дочерью. Сквозняк катает по комнате букетик сухих цветов. Толстая сытая муха устало облетает сервированный стол. Губернатор расстилает салфетку на коленях и сквозь улыбку сообщает свои требования наследнице:

– Вы должны выйти замуж за некоего господина Готтоффа. Он болен. Кажется, выпивает. Вам будет с ним трудно.

Барышня крошит булочку в тарелку с бульоном. Крошка за крошкой скрывает её отражение и, набухнув, тонет в растопленном курином жиру. Отец смотрит на родинку над её губой. Даже с его места видно, что она наведена химическим карандашом.

– Я бы хотела вернуться обратно к мадам, в пансион.

– Нет. Хватит к мадам. Я уже написал ей, чтобы вашу комнату не держали за вами.

– Как вам будет угодно.

– Мне угодно, чтобы вы пели, танцевали и были счастливы. У вашей покойницы матушки есть апартаменты в Венеции. Они входят в ваше наследство. Документы на недвижимость и ваши деньги лежат в сейфе поверенного адвоката. Вы получите свободу, как только выйдете замуж.

Губернатор первым встал из-за стола и вышел из комнаты, не оглядываясь. За его сиятельством хлопнула дверь. И ещё раз. И ещё... Сквозняк аплодировал дверью.

Стук молотков на Девичьем источнике. Строят ночью. Освещают факелами. Мат рабочих перекрывает мат бригадира. Лаются не по-русски. Люди всё пришлые. Сегодня здесь, завтра из России долой. Свидетелей стройки не останется. Если кто из строителей и захочет остаться, так работу получит только в урановом руднике, лошадям воду подавать. Плотины растут из земли грибом поганкою.

В трактире «Козье болото» тоже стук и грохот. Здесь мат уже, как от матери родной. Люди всё добрые. Пиво губернаторское. Бесплатное. Обмывают морячка. Сам он уже давно не дышит. Его изредка будят, чтобы показать вновь пришедшим как достопримечательность. Пыль с него сдувают и обратно спать под стол отпускают.

Чай Готтофф спит и похрапывает, сквозь щёлку век следя за происходящим вокруг.

– Ты японцев видел? – Один из депутатов лезет к моряку обниматься. Оба пахнут, как фиалки, намалёванные на ночном горшке.

– Видел. – Моряк широко зевает. – Жёлтые, как лимоны. Глазки узенькие!!! Ножки кривые, и бегают они ими очень быстро – курицу могут в чистом поле поймать.

– Правду! – ревёт городской, который тут же в гражданском платье сильно пошатывается над чуть-чуть початой бу-

тылкой безалкогольного пива и карандашом на салфетке замечает людей. – Правду рассказывай!!!

– Да, – Готтофф на руках, по-крабьи, лезет на стол. – Маленькие они, черти. Пузатенькие. Как пуля в такого попадёт, так и лопается он. Только шум и вонь вокруг. Рыбу они заживо едят, потому не любят наши ребята с ними в рукопашную сходиться. Очень уж эти азиаты смердят!

– Вот так! – городской строчит карандашом, слюнявя грифель розовым языком. – Вот это правда!

– А ещё они как окружили наш «Варяг» всем своим флотом и кричат нам сдаваться...

– По-русски? – удивляется депутат и читает одновременно фронтовую сводку в газете.

– Нет. По-обезьянью. – Чая несёт. – По-русски у них язык заплетается.

– Потому что маленький! – городской отбирает у депутата газету, почитать на досуге в уборной.

Трактирщик стоит тут же и с беспрестанной улыбкой вытирает руки грязным полотенцем.

– Ихняя Япония в зале на втором этаже на карте имеется. Очень, знаете, мелкая область. Мухе сесть негде, – дополняет халдей рассказчика.

– Негде!!! – соглашаются все присутствующие, а депутат просит принести ему карту. Он как раз поймал одну муху для опытов.

Готтофф делает хороший глоток и рассказывает дальше...

Как в них стреляли из всех орудий, а они смеялись в ответ. Как сожгли два, нет – четыре или пять крейсеров неприятеля. Как японцы уже молили о пощаде, но вдруг закончились боеприпасы...

– А!!! Япона мать!!! – ревут окружающие.

– Но мы не сдаёмся. Открываю кингстоны вот этой самой рукой и... идём на дно, – тихой улыбкой светится Готтофф.

– *Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг»!* – песня разрывает пространство.

Поют все.

Кто спал – проснулся.

Городовой поёт, держа невидимую фуражку в руках.

Трактирщик поёт и дебет с кредитом на счётах сводит.

Депутаты поют надрывно, ещё и успевают по сторонам смотреть – все ли на них смотрят.

Совсем не так поёт рабочий и битый каторгой люд. У них за каждым словом свой смысл имеется.

Один Чай Готтофф не знаком с текстом и только рот открывает.

Секретарь пишет стихотворение, которое его сиятельство собираются прочесть на свадьбе своей дочери. Криволап пунцового цвета утверждает, что пишет поэзию математически, сочленяя рифмы в цепь логических рассуждений.

Сам губернатор стоит у портрета императора на стене и сравнивает свои и царевы колготы.

– Я говорил вам, как люблю нашего дорогого государя.

Криволап встаёт со стула уже согнутым в поклоне.

– Готов цитировать вас, если понадобится.

– Нет. Не сейчас. Надеюсь, никогда не понадобится.

Губернатор ведёт пальцем вдоль линии монарших сапог.

– Мысль, что государь проявит мелочность при чтении отчёта вверенной мне губернии, – нехороша. Это унижительно для такого великого человека. Какие прекрасные сапоги он носит!

– Его величество сами себе сапоги изволили пошить. Вам угодно заказать пару парадных сапог у государя?

– Упаси бог! – Губернатор бледнеет от одной мысли вступить в царских сапогах во что-нибудь непечатное. – Готова моя ода, Ломоносов?

Поэма исполнена на двух языках. На латыни и на русском. Она будет напечатана в губернской и столичной газете и выделена штрих-рамкой для удобства вырезания. Ключок

газетного листа будет висеть в каждом доме – над креслом старой бабушки, над колыбелью безграмотного ребёнка, в спальне молодожёнов, как наставление...

Губернатор размашисто подписывает поэму, ставит на рукописи высокохудожественные кляксы, марает в них пальцы и тщательно обтирает их о бумагу. Потомки не должны сомневаться в авторстве данных строк. Слёзы набегают на глаза его сиятельства. Грустно пишет Криволап. И ведь далеко не бедный человек! Есть чему радоваться.

Секретарь тем временем раскрывает затёртый портфель:
– При вашем предшественнике в городскую управу инкогнито пришли пакет с чертежами и сопроводительная записка от некоего господина N., под которым скрывались великий князь Кирилл Владимирович. Они желали, чтобы по данным чертежам за казённый счёт была сооружена плотина...

– Этот... ваш наклон в прописи...

– Да. – Криволап перебит и весь во внимании к интересу губернатора.

– Вы так смешно буквы ставите. Право. Я сейчас без очков, и всё равно смешно. Вы фамилию по почерку носите?

– Нет, по отцу, ваше сиятельство! «Кривой» не совсем корень нашей фамилии, скорее, это...

– Так что сочинил великий князь? – губернатор откладывает рукопись и принимает благосклонную позу.

Криволап разворачивает на столе чертежи. Пыль и мумии моли поднимаются в воздух. Губернатор вникает в дело –

лоб сползает на подбородок. Подан чай для удобства восприятия материала.

– Покойный губернатор прямо не отклонял проект великого князя...

Нынешний губернатор качает головой, мол, как можно!

– До самой отставки чертежи лежали на его рабочем столе. Всегда на виду. Всегда! – Криволап потряс перстом в воздухе, отвернул лицо в сторону и зашёлся нервным кашлем.

– Какое было время! Какие люди! Какая преданность монаршему дому! – губернатор похлопал по спине секретаря пресс-папье. Громадный дог вскочил с лежанки у двери и хватанул зубами ногу Криволапа.

– Какая умница! – умиляется его сиятельство. – Решил, что мы ссоримся, и стал нас разнимать!

И Криволап поощряет пса поглаживаниями, так как губернатор лично брезгует за чаепитием собак гладить.

– В северной части города расположен Девичий источник. Он в вашей собственности. В том году на источнике неизвестные курень поставили. Стали крепкую водку гнать, но в городе быстро их указали, – секретарь говорит, а пёс тиранит беззлобно его ногу.

– Припоминаю что-то...

– Вы принимали самое живое участие в поимке преступников. Дважды выстрелили из браунинга. Имеете медаль. Было сообщение в газете.

– Я был ранен?

– Нет... Но можно об этом известить общественность задним числом.

– Да ну... – супится губернатор. – Когда мне теперь хромать? Да и люди не так сочувствуют старым шрамам, как свежей крови.

– Вы правы. Очень жаль. Это моя вина. В следующий раз вас непременно ранят, – делает запись в блокнот секретарь, прежде чем потерять сознание.

– И пусть куда-нибудь в лицо! – уже слабо слышит Криволап сквозь возникшую вату в ушах. – Бисмарк, пошёл вон в будку!

Губернатор меряет свою талию и окружность одноглазого адмирала Нельсона на портрете в окружении фрегатов британского флота.

– Девичий источник запрудить... – мурлычет губернатор.

– Проект тем менее не рентабелен. В чертежах множество грубых ошибок. А сама плотина обойдётся казне в 100 000 рублей золотом.

Губернатор презрительно хмыкает.

– Наполеон не считал 100 000 цифрой. Вы читали об этом?

– Сейчас прочту!

Криволап снимает с полки историческую монографию. Водружает на нос очки. Читает вслух воспоминания маршала Мюрата о расточительности императора Франции. Губернатор слушает и удивляется. Он так давно это знает, что име-

ет право забыть.

– Есть мнение, – Криволап ставит книгу на полку, – что строительство плотины вполне объяснило бы самым подозрительным и мелочным писарям-счетоводам, на что израсходованы крупные казённые средства.

– Так и не возникло бы разговоров... – Губернатору нравится идея, но не нравится, что она не его.

– Только положительного толка. – Криволап быстро отыскивает нужное ему место в заранее подготовленном томе. – «Рвение приветствуется в слуге государевом!» – дальше говорит от себя: – Будет отмечена скромность исполнителя в том, что он – не афишируя своих трудностей, приступил к сложнейшему строительству и при этом был вынужден терпеть нападки клеветников и завистников. Так, кажется, вы всегда мне внушали...

– Чувствуется исторический момент. Напишите мне об этом.

Подчинённый записывает умные мысли руководителя. Тщательно выводит каждую букву, следит за наклоном.

Губернатор у окна. Рисует на стекле рожицы. Решает следующее:

– Строить – нужны деньги.

– Строить нет нужды, – секретарь обволакивает губернатора. – Достаточно будет декорировать Девичий источник бутафориями и доложить в Петербург о готовом строительстве. А к донесению фотографии и финансовый отчёт.

Губернатор поднимает стакан с горячим чаем ко рту. Стекло стучит по зубам. Ощущение, будто бы в пищеводе обильный снегопад вулканическими головешками.

– Отныне пусть чертежи лежат на моём столе.

Криволап сгибается подобострастно в три погибели и выходит из кабинета спиной вперёд. Он безошибочно маневрирует среди мебели и дремлющего Бисмарка. Треск ткани слышен – так сильно выпирает позвоночник из сюртука. Секретарь не сказал губернатору, что работы на Девичьем источнике начаты два дня тому.

– В трактир!

Извозчик обмирает и становится похож на собственную лошадь.

– Что вы, барышня...

– Немедленно! – приказывает барышня и показывает серебряный рубль.

Вид денег отрезвляет извозчика и его лошадь.

– В какой?

– В какой? – переспрашивает барышня.

«Боже, как глупо! Ведь это совершенно чужой мне человек. И он, наверное, будет думать, что у меня к нему чувства! Будет целовать мне руки, колоть их усами! Но Венеция... Знать бы ещё, чем она так хороша...»

Час тому Анастасия подслушала не касавшийся её разговор. Сделала она это очень профессионально, как умели делать все воспитанницы мадам в пансионе. Секретарь её отца оплачивал счета моряка в трактире и вдруг спросил у невидимого собеседника:

– А нельзя ли, чтобы его пьяные случайно зарезали?

– Что вы! У нас архиерей обедает. Как можно!

– Добавляйте ему в коньяк с этого дня по чайной ложке мышьяк. Очень полезно в некоторых случаях.

– В каких случаях?

В ответ зашелестели казначейские облигации.

– Будет исполнено! Слушаю-с! – щёлкнули каблуки невидимки.

– Простите, барышня... Вы ехать будете? – извозчик со страхом поглядывает на окна особняка. Губернатор такой человек, что может на всю жизнь обидеть без причины, а за разговор с дочерью ещё и лошади достанется.

– Вы знаете, где варяг сейчас? – барышня краснеет.

– А кто же не знает! – извозчик улыбается всеми зубами, а их у него на пару с лошастью тридцать три. – Вас с ветерком, с бубенчиками доставить?

– С ветерком, – барышня проворно поднимается в коляску, – но без бубенчиков.

Лошадь понимающе кивает.

Санкт-Петербург ждёт добрых вестей. Хмурые недовольные лица преобладают в обществе. Светлых улыбающихся прохожих задерживает полиция и долго беседует с ними о причинах хорошего настроения.

Государь прекратил ежевечерние прогулки в парке – опасаясь бомбы под ноги. Начальник караула уговаривал его посещать балкон хоть изредка. Но он не хочет вообще никуда выходить, ссылаясь на общую занятость и слабое недомогание. Статистов, прогуливающихся под балконом и изображающих преданный народ, пока отпустили играть в театре французских люмпенов.

Министр иностранных дел говорит о необходимости мира с Японией. Государь плавит оконное стекло взглядом. Министр финансов монотонно читает отчёт, изредка он прерывается, чтобы прочистить горло, и возобновляет чтение с неприятной государю настойчивостью.

В саду играют дети. Два мальчика. Один из них его сын. Он не знает, кто точно. Отличная работа гримёра. Государь взмахивает рукой. И тут же мысленно казнит себя за это. Скрещивает руки за спиной и отступает от окна за стену. Генерал, прибывший с театра военных событий в Корею, читает с листа бесконечные столбцы цифр. Убитые. Раненые. Пропавшие без вести. Цифры! Государь оборачивает к команду-

ющему романовское лицо.

Цифры государь не любит больше всего. Есть перечень, чего не любит государь. Он хранится у начальника секретной полиции. Цифры – первые в списке.

Командующий читает во взгляде государя, что его доклад внимательно оценен императором России, проанализирован, и единственно верная в текущей ситуации реакция явится в точное время.

– У вас красивый почерк? – государь указывает командующему на его место.

Генерал скромничает и разглядывает почерк адъютанта в своих бумагах. Государь заглядывает в бумагу и удовлетворённо кивает.

– Возьмите чистый лист и начинайте с абзаца: «Дорогой кузен Вилли!». Написали?

Командующий ставит кляксу и ищет пистолет, чтобы выстрелить себе в голову. Государь протягивает ему новый лист.

– Ну что вы! Это же не поле сражения. Попробуйте ещё раз. «Дорогой мой кузен Вилли!»

Генерал пишет и боится от усердия проткнуть пером бумагу. На его боку нервно звенит сабля в ножнах. Государь диктует:

«Дорогой кузен Вилли, помнишь, ты говорил, что Костик взял твои чертежи и не вернул...»

Отец Никанор помнил безошибочно дни рождения своих внуков, знал их вес, рост, цвет глаз, запах и привычки. Имена иногда путал.

Самый младший назван в честь деда – Никанором. Это маленький дерзкий воробей с самомнением сокола. По рождению считался недоношенным, и дед всё ещё считает его половинкой от нормального человека.

Батюшка забрал внука у золовки ещё до того, как она очулась от двухдневных родов. Вытирал ребёнка своей рубашкой, пока нёс в церковь. Мальчик был синий и слабо, но методично мяукал.

Дед люльку с внуком качал – в стенку билась. Штукатурка оббивалась. На стене с той поры вмятина, которую в большой семье заделать некому. Люлька была перевешена в деревянную комнату. Шума стало больше. Младший Никанор быстро научился ногами удар тормозить.

Отец Никанор воспринял это как должное и завёл внуку кота с дурной привычкой воровать из тарелки. В августе мальчик сам ловил мух на лету и заставлял кота их есть.

Тогда дедушка купил мальчику серого волчонка. Зверёныш гонял Никанорку по комнате и кусал за лодыжки, если тот ленился перепрыгивать через табуретки. В два года человеческий детёныш научился усыплять волка взглядом.

Кормил священник внука всё это время тремя продуктами – мёдом, молоком и маком.

Весь день Никаноры вместе. Дома и на пасеке, в саду и на реке. И в городе их на любой улице встретить можно.

Прогуливается дед с внуком под руку вдвоём и тихо беседуют. Прохожим нравится улыбаться им. Отец Никанор благословляет прохожих. Он знает достаточно о каждом, чтобы взять его душу. Насущной надобности нет. Ни раю, ни аду святой отец не служит.

Отец Никанор верный пёс клана Кога – поклявшийся вечно служить императору Японии.

Раз в месяц он выпускает белого голубя из клетки. На лапке птицы нефритовое кольцо. В кольце письмо. В письме отчёт о жизни города и его тайнах – военных, светских и мирских.

Пятьдесят один год отец Никанор отправляет сообщения в пустоту.

За все эти годы он ни разу не получил ответ. Птицы улетали, чтобы никогда не возвращаться. Наверное, они возвращались в голубятню своего первого хозяина, или их убивали царские соколы.

Священник разуверился, что существует Страна восходящего солнца и что она не явилась его детским бредом.

Слава богу, началась война.

Пьяные начали попадаться ещё за два квартала до трактира. Извозчик привычно лавировал лошадью между качающимися телами. Мужик в треухе ухватил лошадь под уздцы и был проташен ей три метра. Животное чуть не задохнулось от дыхания человека.

Лица местных женщин были ярче, чем самцы уток мандаринок в брачный период. Многие показывали ноги и грудь прохожим. И то и другое было грязным, но демонстрировались они не ради куска мыла.

Барышня закрылась воротом пальто от посторонних взглядов, и всё равно в её адрес долетело несколько предложений со всеми анатомическими подробностями. Извозчик поднял откидной верх и намекнул, что за безопасность пяттак надо будет добавить.

За квартал до цели изменился дух города. Здесь он был горячий, гнилостно-сладкий. Буквально лип к телу.

Стены лачуг были покрыты зелёной слизью, медленно стекающей и увлекающей за собой мёртвых насекомых.

Мостовая собирала на себя все нечистоты и манила спившихся, как постель клопов.

Песня летела из окон трактира – герои знают, что скоро умрут, и наплясаться не могут.

В «Козье болото» беспрерывно кто-то входил. Выходили

очень редко, и то на мгновение – заорать дурным голосом, упасть лицом вниз и полежать, получить или дать в морду, чаще и то и другое.

Барышня вошла в легендарный трактир «Козье болото». Вокруг, избегая её света, пустился в пляс гармонист, но быстро сбился, споткнулся и не посмел играть дальше.

Анастасия до сегодняшнего вечера пьяных видела только однажды. Учитель сольфеджо месье Жан позволил себе за обедом неразбавленный бокал вина и тихо напел первый куплет «Марсельезы» в присутствии самой мадам директрисы, вынужденной закрыться веером от смущения. Скандал был по меркам пансиона грандиозный.

Нынче же мадам директриса заклеила бы себе глаза лейкопластырем, а уши воском закапала.

Трактирщик наполнял кружку пойлом и толкал в темноту, которой заканчивалась буфетная стойка. Куча полуголых тел копошилась на полу, сражаясь за выпивку. Победителю доставалась пара глотков, больше половины становилось лужей, из которой не брезговали пить проигравшие.

– Я ищу господина Готтоффа. – Анастасия не поняла – произнесла она это вслух или только громко подумала.

Трактирщик окаменел.

Во тьме буфета тоже всё стихло.

Городовой возник трезвым и в форме. Он разметал всех по углам одними усами и замер, ожидая приказа. На его гла-

зах выступили слёзы искреннего смущения.

Барышня повторила вопрос чуть-чуть громче.

Её провели во второй зал...

Здесь две пожилые цыганки лет двадцати – катали по полу моряка на колёсиках. Тележка жалобно скрипела. Чай Готтофф спал. Его голова болталась из стороны в сторону с чуть слышным хрустом.

Анастасия замерла при входе, как когда-то на пороге кунсткамеры с уродцами. Студёный сквозняк ударил ей в грудь. Сердце остановилось без предупреждения.

Цыганка обернулась на барышню, и тележка с инвалидом врезалась в стену.

Бух!

Стена стоит.

Моряк и барышня – оба лежат без сознания, с первого взгляда.

Его просто подняли, а над ней совет держали и всё же прикасаться не решились.

Готтофф, проснувшись, объехал совет на своей колымаге и плеснул в лицо барышни воды.

Визг выбил стёкла в окна ближайших домов.

Анастасия вскочила, как кошка. Она зашипела и выпустила когти от ненавистой воды.

Когда об её водобоязни узнали в пансионе – Анастасию насильно окунули в бассейн. Она не сопротивлялась, не вы-

рывалась. Просто по окончанию водных процедур слегла и два месяца умирала в своей комнате. Фрукты гнили в её корзинке. Цветы усохли. Насекомые ушли искать здоровой атмосферы.

Мадам директриса приказала её одноклассницам повторить процедуру.

Утром никто из принимавших участие в экзекуции не смог встать с кровати – Анастасия привязала девочек их собственными волосами к спинкам кроватей и запустила в спальню крысу.

Директриса избежала расправы только потому, что носила парик. Он был публично сорван Анастасией, чтобы доказать всем воспитанницам, что если бы у мадам были волосы – она от мести не ушла бы. Два раза! На бис она сорвала парик, когда мадам сломала об её пальчики указку и послала дворника за розгами. Ведьма плешивая... На стене пансиона появилась надпись об этом и ниже подпись барышни....

Почтальон принёс очередной чек от господина губернатора, и Анастасию оставили в покое.

Девочки шептались, что она купается до восхода солнца росой в траве, а зимой ловит голой кожей снежинки.

– Коньяк! У неё шок, – Готтофф обернулся к стойке.

– Коньяк? – Трактирщик напрягся каждой мышцей.

Барышня заметно побледнела, но нашла в себе силы утвердительно кивнуть.

– Я слышала, у вас отменный коньяк. Будьте любезны!

Трактирщик взял бутылку, предназначавшуюся для моряка, и по капле стал цедить яд в рюмку. Тихо звенело гранёное стекло – руки дрожали. Он ухватился рукой за стойку с бутылками, и она опасно накренилась... Бутылки посыпались с полок, как первый снег в ноябре. Стойка рухнула. Стекло и капли вина изукрасили довольное лицо трактирщика. Он искренне перекрестился и, еле скрывая радость в голосе, пропел:

– Прошу извинить, барышня, всё вино вышло!

Обвёл руками трактир и трагично добавил:

– Трактир закрывается. Прошу всех на выход!

И тут началась настоящая драка.

Во рту собирается грязная жижа. Страшно слово сказать. Она смотрит на него и не падает в обморок. Храбрая девушка. Одним его присутствием можно прокоптить килограмм скумбрии. Он глядит на неё снизу вверх и хочет, чтобы так выглядела его смерть.

В воздухе летают обломки мебели и ошмётки одежды. Кто-то бросил балалаечника – тот летит и музицирует. Городовой одним ударом укладывает человека спать. Полицейский счастлив, когда чувствует себя при деле.

Трактирщик стоически переносит погром. Бояться нечего, и он провоцирует дерущихся своим невозмутимым видом. Он уже посчитал в уме все расходы и понял, что при любом раскладе остаётся в плюсе, в отличие от страховой компании.

Депутаты покидают помещение гуськом. Их прикрывают портфели и провожают тёмные личности, и непонятно они будут их защищать или грабить.

Были и сознательные. Они грозились позвать попа, про муки адовы беснующимся рассказывать. Побегал было один к отцу Никанору. Да попал под лошадь. Извозчик поставил её у входа в трактир, и она у всех прохожих спрашивала овса, а кто не отвечал или иначе как грубил, то она копытом била по темени.

Чёрный шрифт дороги марает душу путника. Готтофф выгребал через лужи, мимо мостков, лавировал среди нокаутированных тел.

Анастасия шла немного впереди. Её влёт чистый воздух.

За поворотом открылась река, и это её чистое дыхание сдуло трактирную вонь.

Барышня обратилась наконец-то к Готтоффу.

– Нам надо с вами объясниться.

Чай Готтофф по-дворняжьи крутился под деревом, ища себе незаметного места. Было стыдно за свой вид, а она ещё на «вы» к нему обратилась...

Все мужчины смотрят на неё. Уставятся и губами шевелят, причмокивая. К ней ни одно слово не может приклеиться. Смиренна, как монахиня, и грустна глазами, но когда ходит – танцует бёдрами. За таких женщин в древности города вырезали.

Рядом с ней каждый метр – испытание силы духа. А какими камнями можно украсить серьги, чтобы они хоть не сильно ввали при чистоте её глаз!

Готтофф хотел умереть. Трагично. Просто сейчас. Что-нибудь из Шекспира, например, кровь горлом или шальная пуля – наповал. Только бы сию минуту, пока она рядом, второго шанса может и не быть.

Он кашлянул. На губе капля крови. Ещё кашлянул. И ещё капля. Она подала ему СВОЙ платок. Чай зажал платок в руке и следующий порыв кашля сдержал.

– Это у вас от мышьяка. Вы слабы. И наверное, умрёте.

Барышня присела на скамью и начала вдоветь.

– И вы хотели, чтобы я вышла за вас замуж? За негритянского зомби? Зачем вы мне мёртвый? Странная честь – быть невестой мёртвого героя.

Готтофф вытер лицо незаметно от барышни рукавом, а платок спрятал, прежде украдкой понюхав.

– Отец даёт мне в приданое дом в Венеции. Вы даже не представляете, где это!

– Отчего же! – Моряк первый раз после Кореи блеснул глазами. – Были мы в Венеции. Сырой городишко.

– Что?! – Барышня отнесла эти слова к лживой дерзости и мысленно пожелала Готтоффу крысу в пижаму.

– Крейсер наш дважды заходил в их порт.

– Кому это интересно?

Чай не знал, кому.

– Вы вообще понимаете, о чём идёт речь? Меня выдают за калеку, только чтобы народ полюбил моего папа.

– Противно...

– Да нет, – Анастасия пожалала плечами. – Я стану независимой. Матушка завещала мне процент в горной металлургии. Я тут же уеду.

– В Венецию?

– На чёрта мне сдалась ваша Венеция?! Я ненавижу воду. – Она закинула ногу на ногу. – Дайте папиросу!

Готтофф замялся.

– Я не курю...

Девушка, сдерживая злобный смех, взглянула на него и исколола речью:

– Говорили бы про вас: нету ног, зато дымит, как пароход!

Моряк перехотел умирать при ней.

– Наш боцман говорил, что курят только те барышни...

Анастасия вспыхнула.

– Я вас оставляю, если только вы посмеете произнести это вслух!

Варяг разозлился и берегов не видел.

– Так вот. Только те барышни, что себя продают!

Она встала и быстрым шагом пошла прочь. Готтофф погнался за ней, лопоча извинения и божась. Барышня побежала. Чай чувствовал, как теряет кожу на ладонях в погоне за девушкой.

За углом блеснула река. Анастасия резко отвернулась от воды с еле сдерживаемой дрожью ужаса.

– Я не девка. Просто если я останусь здесь, то точно умру.

Подумала и добавила:

– Или утону, или растаю.

Свадьбе быть. Она назвала ему своё имя, но запретила к ней так обращаться и вообще запретила ему первому с ней заговаривать. По исполнении своих церковных обязанностей они едут в Венецию. Она получает контроль над мамиными капиталами, а он даёт ей развод без претензий. Готтофф клянётся тут же на месте. Барышня требует, чтобы он ел землю, но потом сходится на мысли, что нотариус будет надёжнее.

Это так новомодно – в духе эмансипированных парижанок. Готтофф окончательно трезвеет и от всех переживаний хочет укрыться в своей казённой квартирке при трактире и поспать.

Барышня делает большие глаза, когда узнаёт, что он устал.

– Устали пить всю ночь? – она явно ему не сочувствует.

– Общее недомогание. Сон поможет. – Готтофф старается говорить чётко, но апломб не удаётся. Собственный голос слышится из параллельной вселенной.

– Вы нуждаетесь в кардиоупражнениях.

– Чего?

– Вы знакомы с гимнастикой?

– Канат, что ли, перетягивать?

– Что вы мелете? Вы можете подтягиваться на турнике?

Отжиматься? Бегать трусцой?

Готтофф смотрит на барышню, как на блаженную.

– Инвалид я, барышня. Извольте отметить это.

Она и отметила – поджала губки, мол, если всё так плохо, то о чём мне с вами разговаривать...

Лодку сильно отнесло к противоположному берегу.

Стук сердца заглушал колокольный звон. Во рту издох язык, распух и вывалился наружу. Чайки дерзко смеялись над гребцом, не признавая в нём спортсмена.

Чай умылся забортной водой. Лодка находилась в получасе гребли до водной станции. Для Готтоффа это было всё равно что в другом полушарии. Лучше бы он согласился делать гимнастику под командованием барышни!

Калеченые ноги ожгло холодом. В лодке вода. Много воды. Поискал ковш. Нет его. Попробовал вычерпывать руками. Не с его здоровьем и не его ладошками! Течь была явна не одна. Лодочник давно не конопатил днище, но с чистой совестью сдавал в аренду сие сито.

Готтофф тоскливо огляделся вокруг. Лодка шла на дно. Моряк перекинул своё тело за борт и по-собачьи поплыл к берегу. Вода вцепилась в него и потянула вниз. Чай зацепил одну мысль в мозгу, что платить за лодку не будет...

Лес окрасился в чёрный цвет. Солнце утонуло в речке. Чай выгреб на берег и дерзко забросал набегающие волны ракушками.

Ветер песню несёт.

Тень в страхе на четыре стороны света разбегается. С обрыва в реку летят колёса огня.

Ноги босые. Сердца юные. Пары сквозь костёр вместе прыгают. Он – в неё влюблён. Она – в другого.

Вода бурлит. От тел чернит. Гвалт стоит – лес не спит. Река течёт – семя несёт. На какой берег завернёт, там сад произрастёт.

Ночь Купальная.

Варяг с другого берега глядит. Жаба душу выжимает. Через реку девушки белой грудью светятся. Чай Готтоффу невесть что мерещится. Его с войны только губернатор целовал, остальные в воздух подбрасывали. Точно то, что он не мужчина, раз калека. В кабаке пятаки теперь до гроба выпрашивать. Героем на колёсиках в полицейском регистре значиться... Раз в год моряк плачет – на то ему в календаре Водяного день красным отмечен.

Плывут венки по воде. Свечи в цветах тихо светят. Ветер шалит – тушит мечты девичьи. Девушки смеются и тут же целуют счастливых парней наперекор поверью.

Ветер налетел на него. Выдул всю дурь из головы. Чай кожей почувствовал, как звёзды разглядывают его на берегу. Здорово до жути. Достал кресало из кожаного мешка на гру-

ди и высек искру на сухую листву. Ещё. И ещё.

Огонь ярко вспыхнул, сжигая всё вокруг себя, и осветил поднимающуюся из воды голову утопленницы. Русалка протягивала моряку свадебный венок, сплетённый из канатов затонувших кораблей.

Глава третья

Из огня, да в полымя

1

Губернатор утолял ночной аппетит кусочком французского сыра рокфор, ломтиком в полпальца толщины ярославской ветчины, и всё это на корке подсолённого житного хлеба.

Его сиятельство разбудил правительственный курьер. На конверте прибывшим скорым поездом из Петербурга красовался царский вензель. Курьер нагло улыбнулся, глядя, как у них дрогнули губы. Чаевые он в результате не получил.

Губернатор выбрил лицо, одел вицмундир. Сделал себе бутерброд, зная, что в случае хороших вестей будет много пить шампанского вина, а это вредно натошак. А в случае дурных вестей – потеряет аппетит на несколько дней.

Его сиятельство тщательно прожёвывает каждый кусок. Хрустят желваки. Трутся зубы. Слюны во рту нет. Жуётся с трудом. Охота выплюнуть. Положение не позволяет.

Долго и тщательно губернатор вытирает пальцы салфеткой, смоченной одеколоном. Пульс нитевидный.

Аккуратно вскрывает конверт ножом. Читает письмо с

конца. Текст послания решительно краток:

«Хочу взглянуть лично. Николай II».

В предыдущем содержании письма государь советовал принимать его скромно, без излишеств.

Губернатора стошнило непереваренным бутербродом.

2

Девичий источник полон рабочих людей. Местные подрядчики с безработными строителями глухо ропщут, почему понаехавшие исполняют государственный заказ, когда они сделают в два раза дешевле, лучше и деньги тут же оставят. На месте составляется петиция губернатору. Видно, что людям нечего делать и никуда они не торопятся.

Криволап пожалел, что рекомендовал в этом году губернатору не приглашать цирк в город.

Гастарбайтеры развлекают публику, как могут: заливают фундамент без подошвы в сырую землю на глубину в полштыка; опоры вытёсывают из ракушечника, и каждая вторая идёт в строительство уже с трещинами; щиты для запора воды сбивают то ли из фанеры, то ли из картона...

Подрядчики стали проталкиваться ближе к бейшлоту, чтобы рассмотреть всё в подробностях.

Криволап выслал им навстречу сторожей, и завязалась словесная перепалка на тему свободы совести.

К источнику подлетела на полном ходу карета его сиятельства. Лошади от скорой езды в хлопьях мыла. Губернатор выпрыгнул из кареты чуть не на ходу и сразу к стройке. Схватил молоток и стал прибивать случайную доску наугад. Вторым же ударом он травмировал себе палец и очень расстроился. Растрошил доску в щепы голыми руками.

– Гниль! – орал он.

Заставил с помощью переводчика трамбовать грунт ногами. Гастарбайтеры и тут насмешили, разбились по парам и взялись за руки. Его сиятельство кричит:

– Топайте!

Они вальсируют и хлюпают ногами в разжиженной водою почве.

В среде подрядчиков пошли разговоры, что, может, оно и лучше, что заказ не получили, – и порвали петицию от греха подальше.

Секретарь возник возле губернатора, когда тот взялся осушать Девичий источник насосом. Его сиятельство махал перед носом письмом государя.

– Надо всё переделывать! Срочно!

Криволап письмо даже не читал. Фотограф осветил его сиятельство магниевой вспышкой – губернатор профессионально улыбнулся, а секретарь растворился во тьме, откуда зашептал персонально для посвящённых ушей:

– Накануне прибытия государя имеется точная информация – террористы бросят бомбу в плотину. Останутся только обломки, фотографии, очевидцы, – он указал на местных рабочих и подрядчиков, – и... расходные книги.

Губернатор толкнул ногой насос, вообразив теракт.

– Террористы ни перед чем не останавливаются. Столько труда! Деньги какие! Страшно! – Его сиятельство отрепетировал лицо праведного негодования. – Все беды России от

них. Государь как слышит, что где-то террориста видели, так сразу печалится. И все вокруг печалится. Страшно подумать, что на земле делается! Я бы нам орден дал за переживания.

Криволап поклонился, как бы говоря: «Это ваша замечательная идея!»

Его сиятельство отряхнул мундир для будущего ордена и больше на строительство не являлся.

Сахарная барышня когда-то плавала лучше всех в городе. Это было ещё до отъезда в пансион. Ей, конечно, не с кем было соревноваться. Но она всегда знала, что плавает лучше всех.

Она часами ловила ладошками юрких мальков, строила замки из грязи и ила, караулила стрекоз под водой или просто лежала на спине и смотрела, как солнце катит по небосводу. Всё было скучно. Мальки сбегали, недостроенные замки размывались волнами, а стрекозы улетали на солнце и откладывали там яйца. Барышня скучала, переворачивалась набок и, нахлебавшись воды, долго отплёвывалась, посинев, на берегу.

Тут-то и появилась ОНА. Девочка с кошачьими глазами. Представилась дочерью мелкого чиновника. Кашляла чаще барышни и не выговаривала множество букв.

Анастасия очень жалела свою подружку. Таскала для неё пироги с кухни. Но неизменно обнаруживала, что девочка их не ела сама, а скармливала рыбам. Даже рыбные пироги она отдавала плотве. Этого уже барышня понять не могла. Разве могут рыбы есть рыбу, звери зверей, а человек человека? «Могут!» – авторитетно было напечатано в энциклопедии под редакцией профессора Южакова. Смотри ст. «Каннибализм».

Чайки близко к подругам не подлетали – хохота боялись. К тому же девочка-кошечка показала мастерство, когда выпрыгнула из воды и на лету вырвала у птицы перо из хвоста. Трофеей она подарила барышне, и та писала им примеры по арифметике.

Была, правда, у девчонки одна неприятная привычка – любила она кусаться в воде. Ещё хуже было то, что она топила барышню как бы в шутку, когда той было уже не до игр.

Однажды Анастасия сильно разозлилась на подругу. Они стояли на берегу и прощались, когда мещанка, целуя, укусила барышню за щёку. Капелька крови капнула в воду. Вода мелкой рябью покрылась.

Анастасия в отместку окунула хищницу в воду.

Вода закипела ровно на мгновение.

Она видела, как подруга смотрит на неё из воды и беззвучно смеётся. Видела, как со дна поднялся взбаламученный ил и голубая вода стала чёрной.

Анастасия, как была в мокром платье, прибежала домой и в тот же вечер уехала в пансион на долгие десять лет.

4

Земля – это огромный моток шерстяных ниток, разматывающийся в бесконечности.

По нитям, связанным в ковёр, ходят короли. Намотав нить на шею, прощаются с миром бедные поэты. Нить стягивает корсет куртизанки. Нить держит муху за лапку на потребу гимназиста-садиста.

Нить может быть связана из нервов, льна или стали. Может быть в палец толщиной, а может быть и не видна вовсе. Вот не видно её, и хоть монокль наводи, хоть микроскопом орудуй – не разглядишь.

И снаружи, и внутри их полно. Сложно не запутаться. Легко оборвать.

Чудо, что к каждому человеку и его жизни тянется нить. Можно размотать так по нитке любое дело. А можно, наоборот, смотать, и следа не останется.

Если правильно ухватить нить – дёрнуть, а она привязана к чьему-то рукаву, то у этого кого-то рука дёрнется – апельсин украдёт, например.

* * *

Сорок четыре года назад.

Стоит посреди городской площади громадный чёрный ящик. В нём куклы дерутся, любятся, опять дерутся – без перерыва на обед и сон.

Публика в восторге. Свист стоит над площадью.

Шпана плачет, глядя, как заплетаются нити красавицы куклы, прежде чем ей выпить пузырёк яда и затихнуть на дне ящика.

Вторая кукла – солдат на одной ноге. Подходит вприпрыжку, в состоянии качки, к мёртвой кукле и долго-долго трясёт головой. Из его глаз сыпется серебряная стружка.

Баба, выторговавшая тут же на площади за рубль гуся, не спешит идти домой, а смотрит трагедию и семечки патетически на брусчатку сплёвывает:

– Сейчас убиваться будет!

На неё смотрят недовольно 99 пар глаз.

«Надо же, она уже видела!».

Пацаны воруют у зрителей платки и гроши из карманов и успевают критически заметить:

– Найдёт себе другую.

Солдат колотит фарфоровой головой по дну деревянного ящика. Барабанная дробь призывает третью куклу – размалёванную до безобразия. Она танцует вокруг убивающегося. Её бёдра задевают его при каждом движении. Как их нити не перепутались – осталось одной из больших загадок города N.

Публика ропщет.

– Что за танцы? У человека горе. Дайте ему поболеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.